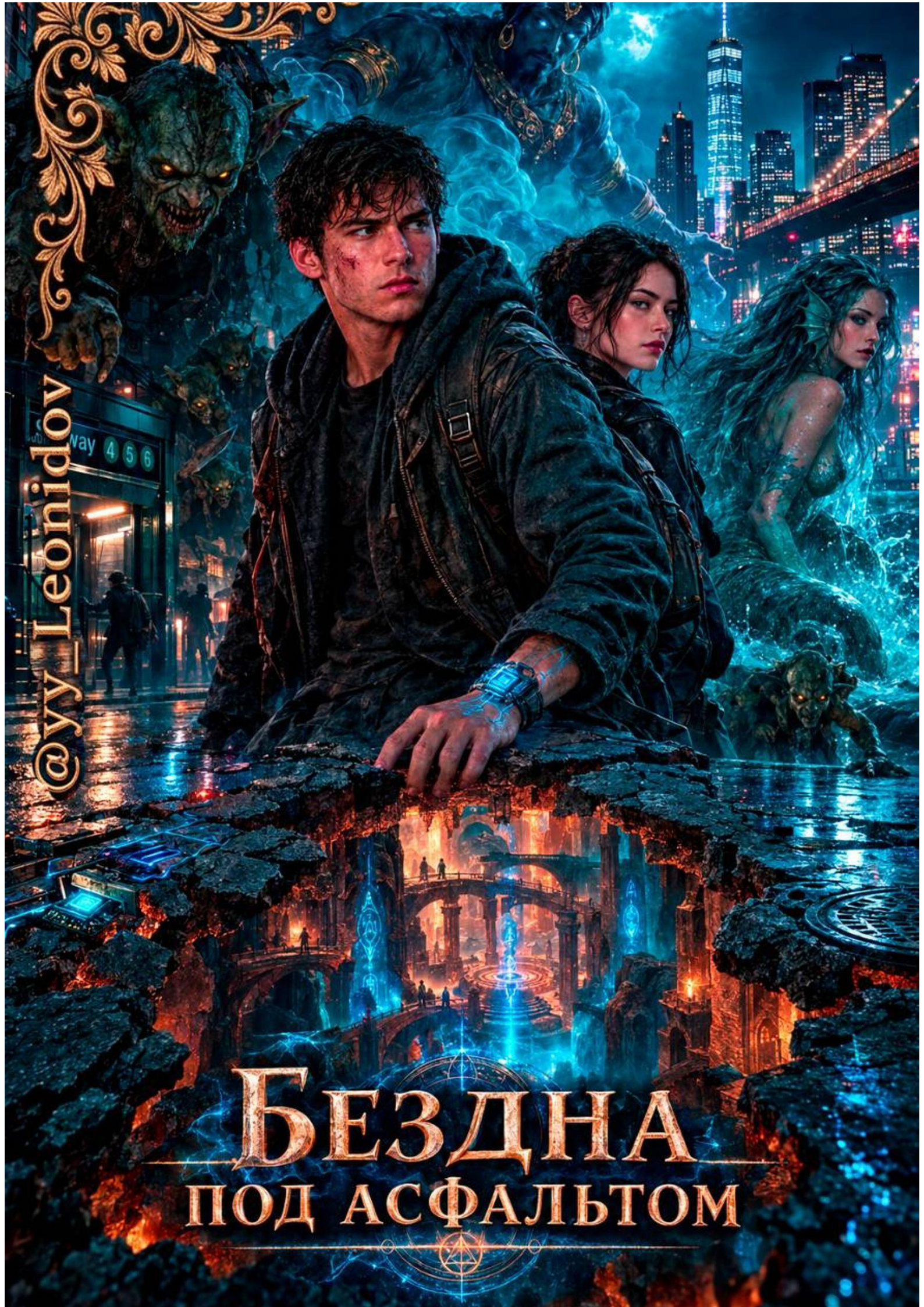

@yy_Leonidov

БЕЗДНА ПОД АСФАЛЬТОМ

Псевдоним @yy_Leonidov

Бездна под асфальтом

«Автор»

2026

@yy_Leonidov П.

Бездна под асфальтом / П. @yy_Leonidov — «Автор», 2026

Напарник Алекса Вейла исчезает в стене, которая светится изнутри. Вскоре Алекс обнаруживает на своей коже карту девяти уровней и узнаёт: он не просто работник метро — он живой замок, которым его сделал собственный отец. Корпорация «Айрон-Гейт» охотится за ним, чтобы разорвать границу между мирами. Чтобы спасти город, Алексу придётся спуститься в Сердце лабиринта и заплатить единственной валютой, которую принимает древний договор: собственной памятью.

© @yy_Leonidov П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 0. Пролог. Человек, который не помнит, что он замок	5
Глава 1. Ночная смена и исчезновение коллеги	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Псевдоним @yy_Leonidov

Бездна под асфальтом

Глава 0. Пролог. Человек, который не помнит, что он замок

Утренняя смена начиналась с грохота.

Алекс Вейл стоял на платформе станции «Квинс-Бульвар» в половине пятого утра, когда первый состав прошивал тоннель на скорости, от которой вибрировали зубы и сыпалась известка с потолочных плит. Он пил кофе из картонного стаканчика — дешёвый, растворимый, с привкусом цикория — и смотрел, как люди спешат мимо него к эскалаторам. Люди наверху. Пока ещё люди.

Восемь лет он работал линейным обходчиком на «Айрон-Гейт». Восемь лет спускался в забойную — туда, где кончались свет, шум и человеческие законы, и начинались бетон, сырость и тишина, в которой даже собственное сердце казалось чужим механизмом. Работа была простая: обход периметра, проверка датчиков давления на стыках плит, фиксация трещин. Корпорация называла это «поддержанием целостности инфраструктуры». Работяги называли это по-другому, но вслух — редко.

У Алекса была квартира на пятом этаже старого дома в Квинсе, где каждую ночь в четыре сорок две штукатурка сыпалась с потолка в такт проходящей подземке. Был шкафчик в раздевалке смены 417, где хранились запасные рукавицы, пачка аварийных талонов и фотография, которую он никогда не доставал. Была привычка молчать, отворачиваться от зеркал и не заводить друзей. Было одно правило, которое он вынес из детства, из тех лет, когда отец — Виктор Вейл, инженер-проектировщик, уже пропавший и списанный в утиль, — сажал его на колени и водил карандашом по миллиметровке, покрытой схемами замкнутых контуров.

«Граница держится не на цементе, сынок. Она держится на памяти. Пока помнишь ты — держится стена».

Алекс не помнил лица отца. Только запах машинного масла от его комбинезона, холодные пальцы и эти чертежи — круги, пересекающиеся окружности, ломанные линии, сплетавшиеся в узор, похожий на схему кровеносной системы. Иногда, засыпая под гул метро, он видел эти чертежи и просыпался с чувством, что за ночь из головы вынули несколько часов жизни.

— Вейл! — голос Чена перекрыл грохот состава.

Чен — его напарник, вьетнамец с третьей группой допуска, воровавший медный кабель со списанных линий и боявшийся крыс больше, чем корпоративных штрафов, — стоял у турникета служебного прохода, жуя бутерброд с дешёвым сыром. На его термосе, помятом алюминиевом, с выцарапанной на крышке эмблемой морской пехоты, болтался самодельный брелок футбольного клуба.

— Смена наша, — сказал Чен. — Ночная. Зинченко обещал, что сегодня будет тихо.

— Зинченко всегда так говорит, — ответил Алекс.

— Ну вот. Значит, сегодня точно будет тихо. Пошли.

Они спустились. За ними захлопнулся герметичный люк, отсекая мир, в котором солнце вставало, — и началась смена, которая, как потом скажет диспетчерская, «пошла по всем кругам ада». Смена 417. Последняя смена, в которой Алекс Вейл был просто человеком.

Глава 1. Ночная смена и исчезновение коллеги

Флуоресцентная лампа над головой издала сухой, предсмертный щелчок и погасла, оставив Алексу лишь тусклый, мертвенно-жёлтый ореол налобного фонаря. Пятьдесят футов голого бетона, пропитанного сыростью и мазутом. Здесь, на заброшенной ветке пятой линии, ремонтные поезда не ходили уже лет десять, если верить исцарапанным до металлического блеска табличкам аварийных выходов.

Алекс привычным движением поправил тяжёлый брезентовый ремень с инструментом, перехватил увесистый разводной ключ и сделал шаг вперёд. Резиновые сапоги глухо чавкнули по луже технической воды. Смена 417 должна была стать скучной, как все предыдущие восемь лет. Стандартный обход периметра, проверка датчиков на стыках плит, фиксация трещин. Ничего особенного. Если бы не Чен.

Напарник ушёл вперёд десять минут назад — проверить дренажный насос в секторе «Браво». И с концами. Рация молчала, выдавая лишь мерный, убаюкивающий треск статических помех, который в сырых тоннелях метро всегда казался предвестником чего-то недоброго. Алекс попытался вызвать его снова, вдавив тангенту до боли в большом пальце.

— Чен. Приём. Чен, твою мать, отзовись.

Тишина. Ни шуршания шагов по щебню, ни дыхания в эфире. Только глухой гул где-то в глубоких пластах земли — низкочастотная вибрация, от которой мелкая крошка сыпалась с потолка за воротник куртки. Алекс ненавидел этот гул. В корпоративных инструкциях его называли «техногенным резонансом путей», но работяги на смене знали: в тех местах, где тоннели уходили ниже уровня коллекторов, земля жила собственной, не поддающейся чертежам жизнью.

Алекс переключил фонарь на максимальную мощность. Узкий луч прорезал густую, осязаемую темноту, выхватывая из мрака облезлые стены, свисающие гирляндами пучки кабелей и ржавые рельсы, уходящие в слепой поворот.

Запах изменился.

Раньше здесь всегда пахло тухлой водой, ржавчиной и машинным маслом. Теперь привычный букет вытеснил резкий, металлический привкус озона. Воздух стал плотным, почти горячим, словно Алекс шагнул не в сырой подвал старой подземки, а в операционную перед включением мощного рентген-аппарата. На зубах заскрипела невидимая пыль.

Он ускорил шаг, стараясь не думать о том, почему напарник не отвечает. Чен был парнем бывалым. Он не мог просто заблудиться на прямой ветке.

Алекс завернул за угол восьмого сектора — туда, где по плану должен был находиться пост дренажного насоса.

Пост пустовал.

Стальной щиток управления насосом был открыт, тумблеры выбиты в положение «выкл», а на полу валялся термос Чена — помятая алюминиевая колба, с выцарапанной на крышке эмблемой морской пехоты и болтающимся брелоком футбольного клуба. Рядом ни следов борьбы, ни крови. Только абсолютная, звенящая тишина, в которой собственное сердце Алекса казалось грохотом басового барабана.

— Чен? — крикнул он, и собственный голос прозвучал чужой, сухой развалиной в пустом мешке тоннеля.

Ответа не было. Но в наступившей тишине Алекс слышал кое-что ещё. Слабый, ритмичный звук. Кап-кап-кап. Только капала не вода. Звук был более плотным, тяжёлым. А стена слева от пустой будки странно изменилась: обычный серый бетон, покрытый десятилетиями копоти и солевых разводов, теперь едва заметно вибрировал.

Алекс сделал шаг ближе. Лучик света скользнул по шершавой поверхности, и он невольно зажмурился.

Бетонная стена светилась. Изнутри, сквозь микротрещины в кладке, сочился слабо пульсирующий зеленоватый свет — ровный, неестественный, живой. Стена была горячее. Алекс протянул руку и на расстоянии ладони почувствовал мощный, обжигающий жар, будто за этой перегородкой работала доменная печь.

Он прижался пальцами к сырому бетону. Кожу тут же обожгло — не огнём, а сухим, колючим электрическим разрядом. В голове на секунду потемнело, перед глазами вспыхнули белые круги, а в ушах зазвучал чужой, шепелявый шёпот на незнакомом языке — словно сотни голосов одновременно царапали ногтями изнанку его черепной коробки.

Алекс резко отдернул руку, тяжело оседая спиной на холодный металлический рельс.

Периметр пробит. Корпоративная стена, которую его отец строил своими руками, дала трещину. И судя по запаху озона и термосу, который Чен бросил у пустого поста насоса, то, что скрывалось за этим бетоном все эти годы, наконец-то нашло выход наружу.

Он взял термос — металл обжёг пальцы сквозь перчатку — и сунул его в рюкзак. Кипяток. Через час после начала смены. В сыром тоннеле, где температура никогда не поднималась выше пяти градусов.

Рация оживила, выплёвывая треск и голос Зинченко — бригадира смены, толстого, пропахшего дешёвым табаком мужика, который всю жизнь глушил страх перед забойной концентратом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.